

Бичер Стоу; «Чорный лебедь» Л. Остроумова. Примечательно, что в некоторых случаях напротив указанного издания подавалась информация касательно директивных материалов, на основании которых книги попали под запрет (в данном списке фигурируют постановления названной выше комиссии при Государственном научно-методическом комитете). Как видим, в перечень попали не только материалы по вопросам трудового воспитания в духе социалистических традиций, но и детская классическая литература украинских и зарубежных авторов [11].

В дальнейшем работа по составлению подобных списков запрещённых книг была значительно расширена. Так, в «Бюллетене НКО» № 33 за 1930 г. находим «Список запрещённой детской литературы, подлежащей изъятию на книжном рынке из библиотек», представленный 187 позициями разноплановых произведений. К примеру, в нём фигурируют «Мои сказки» М. Каразина, исторические романы Загоскина, «Боскийские сказки» Баскина, «Очерки и рассказы для детей» С. Зенченко, «Сказки Перро» (в переводе Е. Лилиной), «Рассказ старушки о 12-м годе» и «Михаил Фёдорович Романов и Михаил Пожарский» Толычова, «Сказки дедушки Еремья» Одоевского, «Крылатые слова» Максимова, рассказы «Мысли» Бельского, «Юность знаменитых людей» Е. Мюллера, «Перст божий» Перельгина, «Рассказы старой бабушки» Болобчанова, «Князь Дмитрий Донской» Чулкова, «Английские сказки» Джекобса и многие другие издания. Характерно, что в приведенном перечне встречаем варианты тотального запрета произведений отдельных писателей, а именно: Ф. Зарина, П. Засодимского, Л. Кневелли, Круглова. Интересен тот факт, что преимущественное большинство помещённых книг издано в дореволюционный период. В списке также видим старания цензоров дать дополнительные сведения касательно не только места и года появления книг, но также и информацию об издательствах (в основном, частных) [10].

Следует отметить, что в контексте последующего наступления на украинскую культуру подготовка проскрипционных материалов во II половине 30-х гг. приняла характер массового явления. Только лишь в годы «Большого террора» Главлитом УССР были составлены многочисленные проскрипции, в которых также фигурировали книги для детей. Например, на том этапе появился список № 10 под названием «Литературные сборники, хрестоматии, подлежащие изъятию», куда вошли и детские произведения [12].

Конечным итогом проводимой партийной политики по достижению идеологического однообразия стало изъятие и уничтожение более половины общего массива печатных изданий республики.

Таким образом, в 20–30-х гг. XX ст. большевистской властью в Советской Украине осуществлялся строгий идеологический контроль над духовной сферой жизни общества, одним из направлений которого стала цензура печатной продукции, в частности, детской литературы. Основным требованием к детской книге было соответствие её всем изменениям идеологической амплитуды. Реализация данного курса привела к существенному ограничению духовной культуры украинского народа в виде уничтожения произведений печати, изъятия ряда запрещённых книг из открытого доступа, а также последующего их многолетнего нахождения и хранения в библиотечных спецфондах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарачковська, О. О. Українська дитяча література 70–90-х років XX ст. / О. О. Гарачковська // Вісн. Київ. Слависти. Університету. – 2005. – № 25. – С. 165–173.
2. Кіліченко, Л. М. Українська дитяча література / Л. М. Кіліченко. – К., 1988. – 265 с.
3. Костюченко, В. Українська радянська література для дітей: Літературно – критична хроніка / В. Костюченко. – К., 1984. – 157 с.
4. Очеретянко, В. І. Загратована думка: [Етапи, форми і методи обмеження інтелект. свободи в Україні] / В. І. Очеретянко / Ін-т історії України НАН України. Голов. редкол. наук.-докум. сер. кн. «Реабілітовані історією». – К.: Рід. край, 2000. – 150, [1] с.
5. Очеретянко, В. Загратовані книги. Встановлення партійно-державного контролю над виданням, розповсюдженням та використанням літератури в Україні у 20–30-ті роки / Віктор Очеретянко // 3 архівів ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. – 1999. – № 1 / 2. – С. 128–141.
6. Про видання казок Андерсена: Постанова № 469 Колегії НКО (з прот. ч. 30. 3–5.VIII.1929 р.) // Бюл. НКО. – 1929. – № 34 (173). – С. 5–6.
7. Про вимоги до дит. п'єси: Обіжник НКО до всіх Райінспектур Наросвіти, ОНЦ, пед. та дит. видавц., до всіх вид-в, від 2.XI.1930 // Бюл. НКО. – 1930. – № 37. – С. 16.
8. Про дитячу літературу: Постанова на доп. вид-ва «Молодий більшовик» від 20 трав. 1933 р. // Бюл. НКО. – 1933. – № 26–27. – С. 20–22.
9. Про перевірку списком дитячих п'єс: Обіжник НКО до всіх Округ. інспектур Нар. Освіти, б-к та дит. театрів від 14.VI.1930 // Бюл. НКО. – 1930. – № 25. – С. 8.
10. Список забороненої літератури, що підлягає к изъятию з книжного ринку з бібліотек // Бюл. НКО. – 1930. – № 33. – С. 10–13.
11. Список № 2 книжок, що підлягають вилученню з установ Соцвиху, бібліотек та з продажу: (За прот. комісії в справі дитячої літератури) // Бюл. НКО. – 1930. – № 42. – С. 6.
12. Федотова, О. О. Політична цензура друкованих видань в УСРР – УРСР (1917–1990 рр.): монографія / О. О. Федотова. – К.: Парламентське вид-во, 2009. – 352 с.
13. Шаповал, Ю. Комуністична цензура в Україні: штрихи до портрета / Юрій Шаповал // Бахмутський шлях. – 2001. – № 1–2. – С. 84–110.
14. Щербаківський, Д. Культурні цінності в небезпеці / Дмитро Щербаківський // Наука і культура. – Вип. 24. – К., 1990. – С. 286–294.
15. Ярмыш, Ю. Детская литература Украины / Ю. Ярмыш. – М., 1982. – 209 с.

Церковский А. Л.

(Республика Беларусь, г. Минск)

ЛИТЕРАТУРА БЕЛАРУСИ XVII–XVIII ВВ. И НОВОАНГЛИЙСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процесс глобализации все еще не имеет четко выраженной цели, и он пока далек от завершения.

Р. Бербах, У. И. Робинсон

Проблема сохранения и популяризации культурного наследия в условиях глобализации сегодня проявляется достаточно ярко. Охрана культурного и исторического наследия является одной из приоритетных задач жизни современного белорусского общества. Поиск своей

самости, определение этнокультурного архетипа белорусов представляется утопичным проектом без сохранения нематериальных культурных сокровищ – в том числе национальной белорусской литературы. Гуманистический потенциал наследия *письменной традиции* во многом способствует укреплению общенационального единства.

Эпоха глобализма бросает вызов национальной идее, ведь, по замечанию З. Баумана, «Глобализация разобщает не меньше, чем объединяет, она разобщает, объединяя, – расколы происходят по тем же самым причинам, что и усиление единообразия мира» [1, с. 9]. Экономические реалии сегодня таковы, что Республике Беларусь, видимо, не удастся избежать еще большей интеграции своего рынка в мировую экономику. Это влечет за собой как положительные, так и отрицательные последствия для культуры. В связи с этим крайне важно уметь ясно обозначить историческое лицо нации, активно использовать устоявшиеся традиции белорусского общества для продуктивной жизни народа сегодня.

Так, немаловажным является изучение и популяризация не только материального наследия нации, но и *нематериальных* ее сокровищ. Как отмечает Т. М. Мармыш, «Нематериальное наследие является идентификатором национальной белорусской культуры, включающей культуру титульного этноса нации и национальных меньшинств, проживающих на территории страны, а также для собственно белорусского культуры, присущей только белорусскому этносу» [2, с. 97].

Говоря о развитии культуры в Беларуси в XVII–XVIII вв. нужно отметить, что существенное влияние на культурные тенденции оказали религиозные процессы в обществе: Реформация и Контрреформация, церковная уния, а также обострение социально-политических, национальных и сословных противоречий, экономическая стагнация. Белорусские земли находились в конфедеративном составе в Речи Посполитой, однако польская корона стремилась сделать из этого государственного образования национальное польское государство, что, разумеется, негативным образом влияло на культуру Беларуси. Немаловажным фактором стало усиление полонизации и активность католической церкви в восточных территориях Речи Посполитой (например, в 1668 Сеймом был запрещен переход из католицизма в другие конфессии). В то же время Московское княжество, желавшее создать «общерусское» государство, также предполагала включить в состав своих владений белорусские земли, что грозило для белорусского народа утратой его самобытной культуры, языка и государственности. О церковной унии Н. Г. Севостьянова пишет так: «Уния разделила западнорусскую церковь на православную и униатскую. Законным было признано только греко-католическое вероисповедание. К концу XVIII в. исконная духовность на белорусских землях едва не иссякла, если бы не возвращение в Русскую Православную Церковь, которая тоже обогатилась за счет европеизированных вероисповеданий Беларуси» [3, с. 38].

Это было время не только экономического, но и культурного кризиса. В частности, полилингвизм, который стал отличительной чертой этого периода, оказывал, скорее, негативное влияние на белорусскую культуру в целом, которая только на «низовом» уровне (крестьян-

ство, часть шляхты и часть духовенства) сохраняло свою аутентичность. Во второй половине XVIII в. стали широко известны философские идеи европейских просветителей: Р. Декарта, Д. Дидро, Ж. Ж. Руссо, Ф. Вольтера и др. Яркий след в белорусской интеллектуальной сокровищнице оставили М. Карпович, Б. Добшевич, И. Стройновский, Г. Конисский и др. Можно утверждать, что с вызовом глобализации белорусская культура столкнулась достаточно давно. Так, белорусская литература описываемого периода характеризуется *многоязычностью и полилингвизмом* текстов (начиная с пер. пол. XVI в. на белорусских землях появляется много литературы новолатинской, старославянской, польской и собственно белорусской). Ввиду искусственной изоляции белорусского языка, национальная литература все больше приобретала статус маргинальной.

В условиях языкового изоляционизма белорусская литература была не в состоянии совершенствовать стилистический и лексико-грамматический строй белорусского языка. Поэтому старая модель национальной литературы осталась преимущественно в жанрах апологетической поэзии, стихотворного рассказа, пародии и др. Появляется религиозная и «высокая» поэзия. По утверждению академика В. Гниломедова, «Литература, как известно, вырастает на национальной почве, и в этом ее тайная сила и привлекательность» [4, с. 9]. То, что выросло на ниве белорусской культуры, должно быть бережно сохранено и передано потомкам.

Беларусь уже имеет многовековой опыт интегративного объединения с окружающими ее национальными культурами. Например, на белорусских землях, ввиду культурных особенностей региона, сформировалось два течения барокко: западноевропейское (католическое: М. К. Сарбевский) и восточнославянское (православное: Л. Карпович, М. Смотрицкий, А. Филиппович). Также имела место униатская разновидность барокко (И. Патея, И. В. Рущкий), основная характеристика которого заключалась в синтезе западноевропейского и восточнославянского барокко. Вследствие этих процессов белорусская культура приобрела *глобальный характер*: не редуцируясь ни к одной из окружающих ее культур, но вобрав от них некоторые особенности, она сумела сохранить статус самобытной и аутентичной.

Для сегодняшней парадигмы социальных отношений свойственен медийный характер обмена информации. Медиафера становится своеобразным Колизеем, за происходящим в котором наблюдают массы. Искусство полемического общения становится необходимым инструментом в жизни человека и народа. В связи с этим важно вспомнить традиции белорусской полемической литературы конца XVI – первой пол. XVII вв., к которой относят работы С. Зизания, А. Волана, П. Скарги, К. Острожского, Х. Филалета, И. В. Рущкого. Их трудам свойственен дискуссионный пафос, желание преобразовать общество и его культуру на основе новых реформационных идей (например, А. Волан был убежденным кальвинистом, часто вступал в полемики), что резко отличало их от работ Ф. Скорины, сочинения которого были направлены на консолидацию белорусского общества, укрепление духовного единства белорусов. В полемической литературе этого периода яркими защитниками православных идеалов были Л. Карпович,

М. Смотрицкий, А. Филиппович и др. Развивается жанр паломнической литературы.

В XVII – первой пол. XVIII вв. летописный жанр уступает место историко-мемуарной литературе (что особенно было популярно в Новой Англии. Например, работы К. Мэзера), поэзии, публицистике. Во второй половине XVII–XVIII вв. мемуаристика в Беларуси становится многоязычной. Во множестве произведений, написанных в этом жанре, авторы, описывая исторические события, уделяют большое внимание описанию собственных переживаний и впечатлений. К эпистолярному наследию можно отнести письма оршанского старосты Ф. Кмиты-Чернобыльского, в которых автор пишет о пограничной жизни, о планах Ивана IV в отношении ВКЛ, рассуждает о нравственном уровне магнатов и шляхты. Это связано с влиянием идей Ренессанса, секуляризацией общества и гуманистическими тенденциями в культуре. Все это впоследствии способствовало развитию индивидуализма, социальной значимости и творческой активности человека, при этом продолжает формирование идея культурно-цивилизационной самоидентификации белорусов.

Питаясь от идей Ренессанса, его эстетические принципы (ориентация на античность, чувство меры, чувство возвышенного и прекрасного), и эстетики барокко (для которой характерна контрастность, парадность, напряженность действия, подвижностью формы, динамика образов, символизмом, обилие риторических фигур, параллелизм, антитеза, оксюморон), белорусская культура подарила миру немало прекрасных произведений искусства. Эта же эстетическая атмосфера была и в культуре Новой Англии.

Проблема сохранения и популяризации культурного наследия актуальна не только для белорусского общества. Недостаток внимания к культурным сокровищам нации наблюдается и в США. Несмотря на колоссальную работу, которую делает американское государство по сохранению и популяризации американской колониальной культуры, многими исследователями отмечается, что сегодняшние американцы плохо знают собственную историю (что, впрочем, не является их особенностью). Сегодня всё больше говорят о возрастающей проблеме сохранения национально-культурной идентичности США (см. об этом [5]) и о необходимости т. н. программы по возрождению христианских ценностей в американском обществе.

Касаясь вопроса зарождения американской нации, ее самобытной государственности и культуры, многие исследователи приходят к выводу, что культурно-цивилизационное пространство современных США во многом базируется на религиозно-нравственной модели пуританского видения мира. Так называемый «пуританский миф» сегодня рассматривается как наиболее вероятная историческая матрица американского общества, что подтверждают Т. Г. Голенпольский и В. П. Шестаков: «...присущий отцам-пилигримам религиозный оптимизм <...> служил той идейной основой, на которой формировалось духовное лицо Америки» [6, с. 62]. Впрочем, некоторые исследователи, признавая значимость пуритан в историческом развитии США, советуют не переоценивать влияния этой религиозной группы на будущее великой страны.

Дж. Уинтроп, видный политический деятель Новой Англии, выразил следующие мысли по вопросу формирования нового, идеального общественного устройства на основе христианских идей: «Мы должны находить радость друг в друге, делать жизнь других своей жизнью, радоваться вместе и печалиться вместе, трудиться и страдать вместе, всегда держа перед глазами наше доверие друг к другу и нашу коммуну в труде, членов нашей коммуны как частей одного целого» [7, р. 102]. В сущности своей эти мысли ориентированы на деятельность гуманистический принцип миропознания, отражающий ту модель идеального типа общества, которую видели перед собой пуритане.

Пуританско-философское (Баранова) мировоззрение, базирующееся на учении Кальвина, стало движущей силой для переселенцев в осмыслении окружающей их действительности. Формирование самосознания отцов-основателей, идентификация самих себя как *род избранных (elected)* было ярко отражено в сочинениях пуритан Новой Англии. Преодоление трудностей, с которыми они сталкивались при строительстве нового общества, определяло характер и специфику их жизни, что, в свою очередь, в кристаллизировало будущую идею американской государственности. Впоследствии эти идеи, по моему мнению, войдут в фундамент национального менталитета американцев, трансформируясь в глобальный активизм и экспансию культурный ценности, что, в частности, подтверждает мнение З. Баумана: «Неотъемлемой частью процессов глобализации является нарастающая пространственная сегрегация, отделение и отчуждение» [1, с. 10], которые, при всём глобальном характере американской культуры, присущи как самой Америке, так и странам, импортирующим её ценности.

Нам представляется справедливым утверждение, что зачатки художественной традиции Соединенных Штатов Америки нужно искать во множественных произведениях ранней американской словесности колониального периода. Национальная идея Новой Англии развивалась в русле консервативных теоцентрических убеждений, привезенных пуританами из Англии. Но с течением времени адептам пуританизма пришлось вступать в полемические беседы с прогрессивной философией Европы. История сохранила имена многих мыслителей XVII–XVIII вв. Новой Англии, среди которых можно отметить Уильяма Брэдфорда и Коттона Мэзера. Спустя три столетия экспорт американских идей приобрел всемирный масштаб, но «системе глобального неолиберализма нечего предложить большинству людей. «Разноскоростная» экономика и политическая беспомощность, порождаемые этой системой, могут приводить лишь только к социальным, культурным и нравственным разрушениям» [8, с. 300].

Таким образом, анализ литературного наследия Беларуси XVI–XVIII вв. и письменной традиции пуритан Новой Англии в контексте проблемы сохранения и популяризации культурного наследия в условиях глобализации представляется важным фактором на пути к укреплению белорусской государственности и самобытности. Как белорусская культура XVI–XVIII вв., так и новоанглийская развивались в русле теоцентрической парадигмы социального знания. Для философской мысли Беларуси были характерны интегративные и дезинтегративные конфессиональные процессы, сохранение

своей самобытности и поиск новых путей для развития общества. Для ранней американской философской мысли, также насыщенной религиозными модусами, был характерен поиск самости зарождающейся нации, определение тех критериев, которые описывали бы автономно гражданских и религиозных общин.

Также важно отметить, что в условиях глобализации Беларуси важно, для сохранения своей культурной автономии, развиваться в формате интеграции всей восточнославянской цивилизации, народы которой исторически объединены экономическим, демографическим, политическим, геоклиматическим и экосоциальным факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. – М. : Издательство «Весь Мир», 2004. – 188 с.
2. Мармыш, Т. М. Универсальное и национальное в культуре : сборник научных статей / Белорусский государственный университет, Гуманитарный факультет. – Минск, 2012. – С. 92–99.
3. Севостьянова, Н. Г. Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2008. – № 1. – С. 35–40.
4. Гниломёдов, В. На рубеже времен: (русскоязычная поэзия Беларуси) / Владимир Гниломёдов. – Минск : Галіяфы, 2013. – 173 с.
5. Миронов, Е. Европа начала реконквисту / Е. Миронов // Идея Икс. – 2009. – № 9.
6. Голенпольский, Т. Г., Шестаков, В. П. «Американская мечта» и американская действительность / Т. Г. Голенпольский. – М. : Искусство, 1981. – 208 с.
7. Bremer, F. John Winthrop : America's Forgotten Founder. Oxford: Oxford University Press, 2003. – 299 p.
8. Глобализация сопротивления : Борьба в мире / отв. ред. С. Амин и Ф. Утар; пер. с англ. М., 2004. – С. 299–301.

Черниговец Е. Н

(Республика Украина, г. Киев)

ЗРЕЛИЩНО-ИГРОВЫЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ ВОЛЫНИ. ТРАДИЦИИ И ПУТИ СОХРАНЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Проблема функционирования и популяризации зрелищно-игровых форм традиционной культуры на территории исторической Волыни на современном этапе является особо актуальной. Это связано с процессами глобализации, в результате которых изменяется традиционный быт (как ведущий фактор сохранения фольклорных, праздничных, обрядовых и художественных традиций), теряется этнографическое разнообразие регионов, формируется унифицированная культурная среда.

Актуальность поднятой проблемы подтверждают научные исследования отечественных ученых в области философии, культурологи, социологии, искусствоведения, этнографии и фольклористике (С. Безклубенко, Н. Сподарева, А. Цинкаловский, С. Грица, Р. Кирчив, В. Давидюк, В. Скуративский, С. Шевчук) и актуализируют изучение зрелищно-игровых форм традиционной культуры в этнорегиональном аспекте.

Историческая Волынь – самобытный регион, охватывающий территорию Волыни и Западного Полесья. Особенности этой культуры сформировались исторически и ведущую роль при этом сыграли общественно-экономические (сельское хозяйство и мелкотоварное производство) и природные факторы (леса, болота, озера, реки, дуга). Они повлияли на формирование типов поселений (села и небольшие городки), мировоззрение, духовность, психологию, эстетические вкусы населения и культурно-бытовую сферу (обычаи, традиции, праздники, обряды, фольклор, досуга). Известный волынский историк и краевед О. Цинкаловский характеризовал Волынь и Волыньское Полесье как «край земледелия, животноводства, садоводства, пчеловодства, обычаев, традиций, устного народного творчества, архаических пережитков ...» [6, с. 7].

Традиционная культура Исторической Волыни – это культура сельского населения, которую составляют материальные, соционормативные и духовные факторы. Выдающийся украинский фольклорист С. Грица называет ее «средой различных форм деятельности в синкретическом единстве труда, досуга, слова, музыки, ритуала, обращенной ко всем этапам жизни человека» [2, с. 160]. Известный отечественный культуролог С. Безклубенко подчеркивает роль традиции в культуре, называя ее духовным и культурным достоянием народа, что определяет образ его жизни [1, с. 221].

К зрелищно-игровым формам традиционной культуры исторической Волыни второй половины XIX – начала XX века мы относим художественно-массовые, обрядовые и развлекательно-игровые действия синкретического характера, что функционируют в пределах различных, трудовых, молодежных, детских, семейно-бытовых традиций [7].

Характерными чертами зрелищно-игровых форм традиционной культуры являются: игровое действие, художественная основа, карнавальность, привязанность к праздничному календарю, быту и хозяйственной деятельности населения [3]. Игровое действие происходит на основе различных видов игр (подвижных, обрядовых, творческих, коммуникативных, развлекательных), а художественную канву действия обеспечивают жанры народного искусства (музыка, песни, танцы, драма, устное народное творчество). Карнавальность характерна для новогодних, рождественских, волочечных и троичских обрядов, купальских гуляний, молодежных масочных вечеринок, детских забав.

Проанализируем функционирование зрелищно-игровых форм традиционной культуры региона на основе исторических параллелей. На рубеже XIX–XX вв. их систему составляли:

1) художественно-массовые: праздничные народные действия (гуляния) (свадебные, рождественские, новогодние, пасхальные, троичские, купальские, покровские), праздничные вечеринки;

2) обрядово-игровые: вождения Козы, Коня, Маланки, Плуг, вертеп, волочечные, молодежная «улица», «Куст», купальские, спасовские и т. д.;

3) развлекательно-игровые: детские и молодежные игры, развлечения (в исследуемом регионе они имели локальные названия: а) в сельской среде: «улица» (весенне-летние развлечения молодежи), «вечорки» (собрание молодежи осенне-зимнего периода), забавы (детей